

DOI 10.35775/PSI.2025.119.2.012

УДК 94/93

А.Р. МИРЗОЕВА

ассистент кафедры востоковедения и африканистики
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва
E-mail: Al_mirzod@mail.ru

Р.М. МИРЗОЕВА

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков
Российского государственного геологоразведочного университета
им. Серго Орджоникидзе, Россия, г. Москва
E-mail: Rimma.mirzoeva@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОГО УПРАВЛЕНИЯ В АФГАНИСТАНЕ

В статье рассматривается роль религиозного фактора в политике движения «Талибан» после его прихода к власти в 2021 году, а также влияние данной политики на социальные и экономические процессы в Афганистане. Особое внимание уделяется трансформации системы государственного управления, в рамках которой религиозные нормы приобрели статус основополагающего регулятора общественных отношений. Анализируются особенности трактовки исламского права, на основе которого талибы формируют социальную политику, включая запреты, ограничивающие доступ женщин к образованию, трудоустройству и участию в общественной жизни. Выявляется, каким образом религиозные установки используются не только как часть идеологии, но и как инструмент социальной консолидации и легитимации власти. В работе освещается международная реакция на политику Талибана, включая санкционное давление западных государств и дипломатические инициативы стран исламского мира. Особый акцент сделан на стратегии России и ее партнеров по ОДКБ и ШОС, которые ориентированы на предотвращение радикализации региона, стабилизацию социально-экономической ситуации в Афганистане и поиск механизмов постепенной адаптации талибского режима к международным требованиям. Рассматриваются перспективы гуманитарного взаимодействия, включая программы образовательной и экономической поддержки, которые могли бы способствовать изменению социальной политики Кабула. Автор предлагает возможные сценарии дальнейшего развития афганского государства с учетом религиозных, политических и геополитических факторов. Подчеркивается, что долгосрочная стабильность Афганистана будет зависеть от способности его руководства к компромиссам, в том числе в вопросах социальной и гендерной политики и построении инклюзивного государства, где будут учтены интересы всех этнических и гендерных единиц. Это является необходимым условием для полноценной интеграции страны в региональные структуры сотрудничества и международное сообщество.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, религиозный фактор, социальная политика, ОДКБ, ШОС, Россия, Центральная Азия.

Введение. Афганистан является стратегически важным звеном в системе международной безопасности, оказывая влияние как на региональную стабильность, так и на глобальные геополитические процессы в целом. После событий августа 2021, когда США вместе с партнерами по НАТО поспешно вывели свои войска, страна вступила в новый этап политического и социального развития, который затронул как систему государственного управления, так и базовые общественные институты. Одним из наиболее обсуждаемых вопросов остается положение женщин, которое претерпело значительные изменения вследствие проводимой афганскими властями политики. Вводятся все новые запреты для девочек и женщин, которые потрясают все мировое сообщество, становясь фактором, влияющим на характер дипломатического взаимодействия с Афганистаном, в первую очередь признания государства де-юре (3).

Проблема притеснения женщин в Афганистане имеет длительную историческую предысторию. В XX веке страна пережила несколько периодов социальной модернизации, сопровождавшихся расширением доступа женщин к образованию, труду и общественной жизни. Однако политические кризисы и смена режимов неоднократно приводили к пересмотру этих достижений. В 1996–2001 годах, во время первого правления талибана (4), были введены жесткие ограничения, касающиеся женского участия в общественной жизни [5]. В последующие годы, при поддержке международного сообщества, в том числе России, Афганистан частично вернулся к курсу модернизации, однако в 2021 году изменения во внутренней политике привели к очередному пересмотру социальных норм.

После 2001 года, с формированием нового афганского правительства при активной поддержке международного сообщества, началась постепенная интеграция женщин в общественную, экономическую и политическую сферы. Значительные ресурсы направлялись на развитие образовательных и социальных программ, что позволило женщинам занять ключевые позиции в медицине, образовании и государственном управлении. Однако резкий и поспешный вывод американских войск в 2021 году, сопровождавшийся отсутствием четкой стратегии по обеспечению стабильности и защиты достигнутых социальных реформ, привел к мгновенному краху всей системы гендерного равенства (1). Вакуум власти, образовавшийся после ухода международных сил, способствовал быстрому укреплению позиций Талибана, что, в свою очередь, привело к моментальному демонтажу ранее достигнутых успехов. Женщины, составлявшие значительную часть профессионального сообщества, были вынуждены покинуть рабочие места, образовательные учреждения для девочек были закрыты, а передвижение женщин стало возможным только в сопровождении махрама. Таким образом, отсутствие продуманного механизма передачи власти и поддержания правовых институтов после вывода войск поставило афганское общество перед фактом неминуемого отката к жесткой модели социальной сегрегации.

Движение «Талибан», которое, фактически, является правительством Афганистана, выстраивает свою идеологию на основе трактовки исламского права с позиции этнической идентичности. При этом значительную роль в формировании общественных норм играют местные традиции, в частности кодекс пуштунвали, который регулирует структуру семьи и общественных отношений в афганском обществе [14]. Женщинам были полностью закрыты возможности для получения образования, трудоустройства и участия в социальной жизни, что привело к их маргинализации и ухудшению экономического положения семей. Введение нового запрета, ограничивающего возможность женщин разговаривать в общественных местах, вызвало серьезную обеспокоенность международного сообщества, поскольку данный шаг усугубил существующую практику социальной изоляции женщин в Афганистане. Такое решение талибов интерпретируется мировыми правозащитными организациями как усиление институциональных барьеров, препятствующих женскому участию в общественной жизни. В условиях существующих ограничений на образование, работу и свободу передвижения, данная мера рассматривается как элемент жесткой политики социальной сегрегации, способной оказать долгосрочное влияние на структуру афганского общества и перспективы его международного взаимодействия (2).

Этническая структура афганского общества оказывает значительное влияние на формирование государственной политики, включая регулирование прав и свобод женщин. Доминирование пуштунов в политическом устройстве страны способствовало сохранению традиционных социальных норм, в основе которых лежит кодекс пуштунвали – свод негласных правил, предписывающих четкое разграничение роли мужчин и женщин. Кодекс пуштунвали требует строгой гендерной сегрегации и полного подчинения женщин мужчинам. В сельских районах Афганистана эти нормы особенно сильны, а потому политика новых властей направлена на поддержку наиболее консервативных слоев населения, где эти ограничения воспринимаются как естественные (2).

Именно соединение этнокультурных традиций и политических амбиций правящих элит обусловило жесткие гендерные ограничения, введенные талибаном (4). Эти ограничения представляют собой часть идеологии движения, а также являются инструментом укрепления патриархальной модели общества, в котором любые социальные изменения воспринимаются как угроза существующему порядку [6].

Руководство Талибана заявляет, что их политика по отношению к женщинам основана на соблюдении исламских норм. Однако анализ исламского права показывает, что в Коране нет прямого запрета на женское образование или трудоустройство, напротив, ислам поощряет получение знаний вне зависимости от пола. В таких странах, как Иран и Саудовская Аравия Ислам является официальной религией, но, не смотря на это, женщины не только получают образование, но и занимают государственные посты и активно участвуют в политической и социальной жизни государств [5].

Запрет на работу женщин и ограничение их доступа к образованию негативно отразились на экономической ситуации в стране. По данным ООН, запрет на трудоустройство женщин в гуманитарных организациях привел к сокращению международной продовольственной помощи, что порождает гуманитарный кризис в стране. Женщины составляли значительную часть работников здравоохранения и образования, и их исключение из этих сфер привело к ухудшению доступности медицинских и образовательных услуг.

Политика Талибана в отношении женщин является одним из ключевых факторов, определяющих международное взаимодействие Афганистана. Для России, традиционно ориентированной на стабильность в регионе и предотвращение деструктивных процессов на южных рубежах своих партнеров по ШОС и ОДКБ, вопрос инклюзивного управления в Кабуле имеет стратегическое значение. Москва последовательно подчеркивает, что устойчивое развитие Афганистана возможно только при формировании инклюзивной модели управления, обеспечивающей участие всех социальных, этнических и политических групп, включая женщин. В этом контексте исключение женщин из общественной жизни рассматривается не только как внутренний афганский вопрос, но и как фактор, влияющий на региональную стабильность и перспективы международного взаимодействия.

Российская дипломатия, выстраивая отношения с талибским режимом, исходит из принципа прагматичного подхода, предполагающего необходимость учитывать реалии политической ситуации и одновременно стимулировать постепенную эволюцию социально-экономической структуры страны. В отличие от стран Запада, делающих акцент на санкциях и политическом давлении, Россия исходит из понимания того, что изоляция Афганистана только усугубит кризисные явления и приведет к еще большей радикализации ситуации. Однако при этом Москва неоднократно подчеркивала, что эффективное государственное управление невозможно без участия всех социальных групп, а потому вопрос расширения прав женщин и их интеграции в социальные и экономические процессы остается важной частью диалога с Кабулом. Именно в этом контексте Российская Федерация имеет выверенные политические установки и только после этого готова будет вести диалог в контексте официального признания нового афганского правительства.

Отсутствие инклюзивного подхода к управлению, в том числе исключение женщин из ключевых сфер общественной жизни, создает риски как для внутренней стабильности Афганистана, так и для его взаимодействия с внешними партнерами. В условиях, когда страна остается в международной изоляции, невозможность получения внешнеэкономической поддержки, инвестиций и гуманитарной помощи ведет к усугублению социально-экономического кризиса, что в свою очередь повышает угрозу дестабилизации в регионе. В этом контексте Россия, как ключевой игрок в Евразийском пространстве, продолжает выступать за диалог и поиск прагматичных решений, которые позволили бы Кабулу постепенно адаптироваться к требованиям современной

международной системы, не допуская при этом внешнего вмешательства во внутренние дела страны [15].

В настоящее время мировой порядок демонстрирует разные подходы к взаимодействию с Афганистаном. Одни государства акцентируют внимание на гуманитарных аспектах и призывают к восстановлению социальных прав, другие делают акцент на стабильности и безопасности, выстраивая диалог на основе прагматических интересов.

Россия, традиционно выступая за обеспечение устойчивости в регионе и развитие конструктивного диалога со всеми ключевыми игроками, заинтересована в сохранении стабильности на южных рубежах. В этом контексте вопросы социальной политики Афганистана, включая статус женщин, имеют не только гуманитарное, но и прикладное значение в аспекте обеспечения региональной безопасности. Нестабильность в соседнем государстве может создавать предпосылки для роста миграционных потоков, увеличения угрозы трансграничной преступности и радикализации отдельных социальных групп, что требует внимательного изучения и оценки последствий таких изменений [12].

Позиция России и Китая отличается от западной стратегии. Российская внешняя политика исходит из принципа невмешательства во внутренние дела других государств, поэтому Москва предпочитает не критиковать внутреннюю политику Талибана, но при этом поддерживает усилия по предотвращению гуманитарного кризиса. Россия взаимодействует с афганскими властями по вопросам экономического сотрудничества, безопасности и стабилизации региона, что обусловлено стратегическими интересами на южных границах СНГ. Москва придерживается сбалансированной и прагматичной политики, ориентированной на обеспечение безопасности в регионе, развитие торгово-экономических связей и предотвращение дестабилизации обстановки в сопредельных государствах. В этом контексте изучение социально-экономических изменений в Афганистане, включая положение женщин, имеет важное значение для выработки эффективной стратегии взаимодействия.

С точки зрения международных отношений женский вопрос стал ключевым элементом дипломатического взаимодействия с Талибаном. Западные страны используют права женщин как инструмент давления, тогда как Россия и Китай исходят из необходимости сохранения стабильности в регионе и выстраивания прагматичных отношений с Кабулом. Однако в долгосрочной перспективе давление мирового сообщества, ухудшение экономической ситуации и внутренняя динамика могут привести к пересмотру женской политики Талибана [12; 14].

Религиозная доктрина как основа политической системы Талибана. Религиозный фактор в политике движения «Талибан» выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он используется как инструмент легитимации власти, с другой – как механизм социального контроля. В отличие от многих других мусульманских стран, где религиозные нормы существуют в рамках светской системы управления, в Афганистане после 2021 года шариат стал единственным источником права и регулятором всех сфер жизни общества [19].

Ключевой особенностью талибской модели является ее селективный характер, при котором шариатские нормы интерпретируются в узком, фундаменталистском смысле. В основе религиозной доктрины Талибана лежит ханафитская школа исламского права, однако в ее трактовке наблюдается значительное влияние деобандийского учения, ориентированного на строгий консерватизм и буквальное следование религиозным предписаниям [3]. Такое понимание ислама формирует авторитарную систему управления, в которой государственные институты подчинены религиозным лидерам и регулируются нормами, не предусматривающими прав человека в западном понимании [16]. Подобный подход к государственному устройству демонстрирует не столько традиционные исламские нормы, сколько политический расчет: введение жесткой религиозной доктрины позволяет Талибану консолидировать власть и подавить оппозицию, используя религию как инструмент политического влияния, внедряя туда новые запреты для девочек и женщин [17].

После прихода к власти Талибан заменил светскую правовую систему на шариатские суды, в которых дела рассматриваются на основе традиционного исламского права в интерпретации деобандийского течения. Это привело к исчезновению формального законодательства, а правоприменение стало зависеть от решений религиозных судей (кади), чья компетентность и методы вынесения решений существенно отличаются от судебной практики, принятой в современных правовых системах. Судебная практика в Афганистане теперь полностью ориентирована на религиозные предписания, однако характер их применения носит избирательный и политизированный характер. Например, Талибан запрещает женщинам получать образование и работать в госструктурах, ссылаясь на исламские нормы, хотя в Коране не содержится никаких предписаний, запрещающих женское образование или трудовую деятельность [19].

Введение религиозной полиции нравов позволило властям усилить контроль за соблюдением норм поведения, включая дресс-код, семейные отношения и общественные контакты. Такая система регулирования основывается на модели исламского надзора, схожей с той, что применялась в Саудовской Аравии до реформ 2017 года. Однако в отличие от Саудовской Аравии, где наблюдается постепенная либерализация социальной политики, Талибан продолжает усиливать репрессивные меры, направленные на ограничение свободы личности [16].

Одним из наиболее противоречивых аспектов политики Талибана является ограничение прав женщин под предлогом соблюдения исламских норм. Согласно официальной позиции движения, женщина должна выполнять свою «естественную роль» в семье, а ее участие в общественной жизни противоречит нормам ислама. Однако анализ исламского права показывает, что в Коране подчеркивается равенство мужчин и женщин перед Богом, а получение знаний рассматривается как обязанность каждого мусульманина вне зависимости от пола [17].

Проводимая политика талибов, помимо религиозного обоснования, имеет и политический подтекст: ограничение прав женщин позволяет укрепить контроль над населением, исключая возможность оппозиционной активности среди образованных гражданских активистов и правозащитников. Таким образом, религия в данном случае становится инструментом социальной стабилизации, направленным на сохранение патриархального порядка и контроля над обществом [16].

Использование религиозных норм в качестве инструмента политического управления в Афганистане стало серьезным вызовом для региональной безопасности и международных отношений. Политика движения «Талибан» в отношении прав женщин рассматривается большинством мировых держав как препятствие для полноценной интеграции Афганистана в международное сообщество. В то время как страны Запада заняли жесткую позицию, увязывая любую финансовую и дипломатическую поддержку с выполнением условий по обеспечению прав человека государства Центральной Азии, а также Россия и Китай, ориентируются на более прагматичный подход, предполагающий диалог и сотрудничество в рамках существующих реалий (5). Россия и ее региональные партнеры стремятся выстраивать прагматичную политику, которая позволила бы минимизировать риски гуманитарного кризиса, распространения экстремизма и миграционных потоков, а также распространение радикальных форм и террористической активности на границах. Важнейшим инструментом этого взаимодействия являются Шанхайская организация сотрудничества и ОДКБ, в рамках которых предпринимаются попытки диалога с талибами и разрабатываются экономические и социальные программы, направленные на стабилизацию ситуации в стране [10].

Важным компонентом обеспечения региональной стабильности является деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая играет ведущую роль в укреплении границ и предотвращении возможных угроз, исходящих из Афганистана. Одним из ключевых аспектов работы организации является проведение совместных учений и развитие пограничной инфраструктуры, что особенно актуально для Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана, на которые в первую очередь влияет афганская нестабильность (6).

На саммитах ОДКБ неоднократно поднимался вопрос о необходимости сдерживания экстремистских группировок, которые могут использовать нестабильную ситуацию в Афганистане для распространения своей деятельности в соседние страны. Так, по итогам саммита в 2022 году было принято решение усилить военное присутствие на таджикско-афганской границе и усилить разведывательные операции по мониторингу ситуации на приграничных территориях.

Урегулирование афганского вопроса невозможно без координации усилий стран региона, что требует постоянных консультаций на уровне ШОС и ОДКБ. На встречах глав государств неоднократно поднимался вопрос о необходимости поэтапной легитимизации афганского правительства при условии соблюдения базовых прав человека и международных норм. Так, по итогам саммита ШОС

в 2022 году страны-участницы подчеркнули, что без вовлечения женщин в социальные процессы невозможно построение инклюзивного правительства.

Россия и ее партнеры по ОДКБ и ШОС выстраивают многоуровневую стратегию взаимодействия с Кабулом, ориентированную на обеспечение стабильности в регионе и минимизацию возможных угроз. Важнейшим элементом этой стратегии является защита границ и предотвращение распространения экстремистских группировок, что осуществляется в рамках ОДКБ. Особое внимание уделяется усилению пограничной безопасности, мониторингу ситуации в сопредельных районах и проведению совместных учений, направленных на повышение готовности стран Центральной Азии к возможным вызовам, исходящим из Афганистана [10].

Помимо мер безопасности, приоритетное значение имеет гуманитарная поддержка и экономическое взаимодействие, которые рассматриваются как инструменты долгосрочной стабилизации страны. Россия и ее союзники работают над развитием инфраструктурных проектов, предоставлением гуманитарной помощи и созданием экономических условий, способствующих улучшению социально-экономической ситуации в Афганистане. Эти меры направлены на снижение уровня бедности и предотвращение дальнейшего ухудшения гуманитарного положения, что особенно важно с учетом того, что нынешняя политика Талибана (4) фактически исключает женщин из экономической и социальной жизни страны.

Заключение. Важную роль в урегулировании ситуации играет дипломатическое взаимодействие через механизмы ШОС, в рамках которого осуществляется постепенное давление на Кабул с целью смягчения его внутренней политики. Одним из ключевых аспектов этой работы является вопрос расширения прав женщин и улучшения условий их жизни, так как их полная изоляция из социальной и экономической сфер препятствует устойчивому развитию страны. Россия и страны региона придерживаются позиции, согласно которой постепенное вовлечение женщин в экономику и общественные процессы является необходимым условием для международного признания нового правительства Афганистана, а также для его интеграции в региональные структуры сотрудничества.

Прогнозируя развитие ситуации, можно предположить, что постепенное вовлечение Афганистана в региональные процессы будет зависеть от готовности Талибана к компромиссам, в том числе в вопросах гендерного равенства и социальной политики. В этой связи политика России и ее союзников будет ориентирована на поэтапное смягчение режима в Кабуле, что в долгосрочной перспективе создаст более устойчивую систему безопасности в Центральной Азии. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от готовности Талибана к поэтапным реформам и компромиссам, которые могли бы привести к более инклюзивной системе управления. В этом контексте политика России и ее союзников ориентирована на долгосрочное выстраивание диалога, стимулирование гуманитарных и образовательных программ, а также постепенную интеграцию Афганистана в региональные экономические процессы. Такой подход

позволит не только обеспечить безопасность на южных рубежах СНГ, но и сформировать стратегию мирного сосуществования Афганистана с соседними странами, что в долгосрочной перспективе станет важным фактором стабильности в Центральной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Афганистан: кому платить за «разбитые горшки» // <https://www.kommersant.ru/doc/4976529>.
- (2) В новом докладе ООН говорится об ограничении деятельности СМИ в Афганистане и дискриминации женщин-журналисток // <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458761>.
- (3) «Женский вопрос» в Афганистане после 2021 года: есть ли свет в конце туннеля? // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/zhenskiy-vopros-v-afganistane-posle-2021-goda-est-li-svet-v-kontse-tonnelya/>.
- (4) Запрещенная группировка на территории РФ.
- (5) Кабулов и власти Афганистана подчеркнули необходимость разморозки авуаров республики // <https://tass.ru/politika/20629929>.
- (6) Укрепление границы с Афганистаном обсудят на саммите ОДКБ в Астане // <https://bes.media/news/ukreplenie-granitsi-s-afganistanom-obsudyat-na-sammite-odkb-v-astane-d0b971/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдулаева К.Р.** Религиозный фактор в современной мировой политике // Государственное управление. 2016.
2. **Арипов Э.Т.** Афганистан: время для диалога // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6.
3. **Арчаков М.К., Погребная Е.Ф.** Религиозно-политический экстремизм как фактор дестабилизации политической ситуации в Сирии и Центральной Азии // Политология. 2023.
4. **Арруе Е.Р.** Феномен пуштунского национализма во внутренней политике движения «Талибан» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4.
5. **Грант А.** Оценка ролей и прав женщин в меняющемся политическом ландшафте Афганистана // Женщины и внешняя политика. 2023.
6. **Гоэс Д.** Права женщин при режиме Талибана в Афганистане и меры ООН // Международное право и права человека. 2023.
7. **Зарипов Р.С.** Политика Талибана в отношении женщин: религиозные и культурные аспекты // Международные исследования. 2022.
8. **Клименко А.В.** Международное взаимодействие с Афганистаном: роль ШОС и ОДКБ // Аналитический вестник. 2022.

9. **Колаев А.М.** И не мир, и не война на границе с Таджикистаном – реальная террористическая угроза России // Центральноазиатский обзор. 2021.
10. **Мальшев Д.В.** Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе международных отношений // Международные отношения. 2021.
11. **Ногмов А.М., Шангараев Р.Н.** Роль региональных интеграционных объединений в обеспечении стабильности и безопасности в странах Центральной Азии // Дипломатическая служба. 2018.
12. **Окимбеков У.В.** Женский вопрос в Афганистане при талибах // Россия и мир: научный диалог. 2023.
13. **Пардаев С.А., Рахмонов А.С.** Роль ОДКБ в создании системы региональной безопасности в Центральной Азии и ограничении угроз из Афганистана // Евразийская безопасность. 2018.
14. **Ризоен М.С., Гиесов М.** Афганистан: До и после возвращения талибан // Национальная академия наук Таджикистана, Институт изучения проблем стран Азии и Европы. 2023.
15. **Степанова Е.А.** Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе // Международные исследования. 2017.
16. **Фархад М.А.** Исследование экономической и политической ситуации после оккупации Афганистана Талибами в 2021 г. // Международные исследования. 2023.
17. **Шашок Л.А.** Религиозный аспект влияния политики движения «Талибан» на террористические организации Южной Азии // Восточные исследования. 2023.
18. **Шунина А.А.** Особенности угроз для РФ из Центральноазиатского региона и пути их преодоления // Геополитический вестник. 2016.
19. **Юсупова К.** Исламский фактор в государственном управлении Афганистана // Политические исследования. 2023.

A.R. MIRZOEVA

Assistant of the Department of Oriental and African Studies
Peoples' Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

R.M. MIRZOEVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Russian and Foreign Languages, Russian
State Geological Prospecting University named after
Sergo Ordzhonikidze, Moscow, Russia

GENDER ASPECTS OF RELIGIOUS GOVERNANCE IN AFGHANISTAN

This article examines the role of the religious factor in the policies of the Taliban movement following its rise to power in 2021, as well as the impact of this policy on Afghanistan's social and economic landscape. Special attention is given to the transformation of the state governance system, where religious norms have become the primary regulator of public relations. The study analyzes the Taliban's interpretation of Islamic law, which serves as the foundation for their social policies, including restrictions on women's access to education, employment, and public life. It explores how religious doctrines are not only an ideological framework but also a tool for social consolidation and political legitimacy. The paper highlights the international response to Taliban policies, including the sanctions imposed by Western nations and the diplomatic initiatives of Islamic countries. Emphasis is placed on the strategies of Russia and its partners in the CSTO and SCO, which aim to prevent regional radicalization, stabilize Afghanistan's socio-economic conditions, and develop mechanisms for the Taliban's gradual adaptation to international norms. The prospects for humanitarian cooperation are examined, including educational and economic support programs that could contribute to shifts in Kabul's social policies. Finally, the article explores potential scenarios for Afghanistan's future development, considering religious, political, and geopolitical factors. It underscores that long-term stability in Afghanistan will depend on the regime's ability to compromise, particularly regarding social and gender policies, as this will be a crucial condition for the country's full integration into regional cooperation frameworks and the broader international community.

Key words: Afghanistan, Taliban, religious factor, social policy, international response, CSTO, SCO, Russia, Central Asia.